

А. ЛОМАНЪ.

СОВРЕМЕННОЕ УЧЕНИЕ

О

ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.

МОСКВА.

Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа.

Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лиснера.

1896.

„Tot twam asi“ —
то ты еси.

Маковакія, или великое
слово, изъ Веда-Веданти.

I.

1. Въ то время, какъ въ древнемъ мірѣ наука о государствахъ особенное вниманіе обращала на нравственные основы государствъ и видѣла въ автаркіи, или въ самодовольствѣ, то преимущество, которое возвышаетъ государство надъ остальными формами общественной жизни, современная наука ищетъ исходную точку этого ученія въ правѣ, создаетъ предположеніе о существованіи правового государства и трактуетъ о государственной власти такого правового государства, какъ о самостоятельной силѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Боденъ опредѣлилъ государство, какъ «un droit gouvernement de plusieurs menages et de ce, qui leur est commun avec puissance souveraine», т.-е. непосредственное управленіе многими хозѣйствами и всѣмъ тѣмъ, что у нихъ общаго съ верховною властью, понятіе о государственной власти служитъ краеугольнымъ камнемъ и основой для познанія юридической природы государства, какъ по отношенію къ терри-торіи государства и его подданнымъ, такъ и по отношенію къ другимъ государствамъ, къ международному союзу.

Но, если нѣтъ спора въ томъ, что мы познаемъ самостоятельное государство по тому значенію, которое имѣетъ въ немъ государственная власть, то тѣмъ не

менѣе ученіе о самой государственной власти до невѣроятности неопредѣленно, неясно и темно.

Что политическая сторона государственной власти даетъ поводъ къ необузданной подчасъ борьбѣ — это понятно: человѣчество не есть единое стадо. Скорѣе правильна по отношенію къ обществу людей поговорка: «сколько головъ — столько умовъ»; сколько ремеслъ — столько группъ и сословій и, слѣдовательно, столько партій, которымъ, всѣмъ безъ исключенія, близко и дорого какъ само государство, такъ и государственная власть.

Но и по отношенію къ юридическому характеру государственной власти, по отношенію къ юридическимъ основнымъ понятіямъ ея, теорія лишь болѣе или менѣе приближается къ истинѣ, но не вполне постигаетъ ее. Однако, какъ мысль по необходимости должна предшествовать дѣлу и освѣщать работу, такъ и теорія должна предшествовать практической конструкціи государственной власти; поэтому неопредѣленность и неясность теоріи имѣетъ своимъ ближайшимъ практическимъ послѣдствіемъ неувѣренность, а подчасъ даже превратное пониманіе и толкованіе того, что такое государственная власть и кому она принадлежитъ въ государствѣ.

Мало того, нерѣдко, увлекаясь неправильною теоріею, неправильнымъ ученымъ трактатомъ, выработанная вѣками и созданная народнымъ духомъ, народнымъ геніемъ государственная власть замѣняется властью, созданною по шаблону такой неправильной теоріи, и государство перемѣщается, такъ сказать, «изъ куля въ рогожку» безъ соблюденія незыблемой истины: «Я ничего не могу творить Самъ отъ Себя. Какъ слышу, такъ и сужу, и судъ Мой праведенъ, ибо не ищу Моей воли, но воли пославшаго Меня Отца» (Ев. Іоан. гл. 5, ст. 30).

2. Намъ кажется, что высказанную здѣсь мысль подтверждаетъ цѣлая дюжина французскихъ конституцій, смѣнившихъ другъ друга въ продолженіе одного вѣка, т.-е. со времени великой французской революціи. Сама недолговѣчность и многочисленность ихъ есть лучшее доказательство неправильности ихъ, а связь этихъ конституцій съ ошибочными теоріями Руссо и Монтескье, недостаточно уяснившими себѣ государственную природу, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Приписать эту неестественную подвижность единственно темпераменту французской націи и тому обстоятельству, что Франція послѣ великаго переворота, произведеннаго революціею, не успѣла еще достаточно прочно организовать государственную власть, — невозможно.

Имѣя въ виду все это, дюжина конституцій государства въ продолженіе одного вѣка все-таки указываетъ намъ на явленіе не нормальное.

Что касается до германской конституціи 1867 (71) г., то можно ли примѣнять по отношенію къ ея творцу изреченіе Шекспира: «Едва урокъ данъ, обратно онъ на голову учителя падетъ» («Макбетъ») — мы не смѣемъ судить, но, тѣмъ не менѣе, и на этой конституціи неправильная теорія оставила до сихъ поръ еще не вполне изглаженный отпечатокъ.

Неправильная теорія, повидимому, имѣла вліяніе на созданіе государственной власти и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, во главѣ которой, если такъ можно выразиться, поставленъ не президентъ Соединенныхъ Штатовъ, а писанная конституція, не подлежащая измѣненію, чѣмъ она существенно отличается отъ своего оригинала — англійской конституціи.

Не пришлось еще американцамъ убѣдиться въ истинѣ: «При гибельномъ недугѣ холодная медлительность вред-

нѣе, чѣмъ смертный ядъ» (Шекспиръ, «Коріоланъ»: Мененій), и безжизненность этой конституціи не успѣла еще обнаружить серіозныхъ послѣдствій.

3. Неясное и превратное теоретическое пониманіе государственнаго эгоизма нерѣдко вызываетъ въ самомъ государствѣ броженіе, при чемъ «безумцы идутъ за сумасбродными» и подвергаютъ государство какъ-бы эпидемической болѣзни, нерѣдко не безопасной для самого государства.

Какъ примѣръ такой болѣзни, мы приведемъ здѣсь ученіе классическихъ политико-экономистовъ и надѣемся, что не заслужимъ упрека въ несправедливости, если, выражаясь образно, скажемъ, что послѣдователи этой школы проходятъ мимо неимущаго брата такъ, какъ скряга проходитъ мимо нищаго. Не подавая рабочему копейки, послѣдователи этой школы, какъ-бы для заглушенія своей совѣсти, краснорѣчиво возвѣщаютъ міру, вмѣсто настоящаго эгоизма человѣка, узкое пониманіе его, т.-е. самосохраненіе въ настоящемъ или, вѣрнѣе, избитую логику скряги: что-де не слѣдуетъ подавать копейку бѣдняку, ибо онъ въ первомъ кабацѣ пропьетъ ее.

Мы имѣемъ здѣсь главнымъ образомъ въ виду ученіе Рикардо о заработной платѣ и его парламентскія рѣчи.

Но еще хуже ученія классическихъ политико-экономистовъ — вызванная имъ реакція — ученія социалистическія, и мы смѣемъ думать, что если, на примѣръ, самый выдающійся представитель социализма, Карлъ Марксъ похрамывалъ-бы такъ, какъ хромаетъ его ученіе о собственности, и онъ нуждался-бы въ костылѣ, какъ его ученіе въ подпоркѣ, то вѣрно онъ сталъ-бы ярымъ противникомъ своей же теоріи, сталъ-бы защищать собственность и правовой порядокъ.

Подобно тому, какъ великолѣпный мостъ, построенный хотя опытнымъ мастеромъ, но на зыбкой почвѣ по необходимости рано или поздно долженъ рушиться и можетъ быть полезенъ будущимъ поколѣніямъ развѣ своими обломками, годными какъ матеріалъ для новой, болѣе прочной постройки, такъ и приведенныя соціальныя ученія, не уяснившія себѣ сути нашего эгоизма, — все равно, опираются ли они на интересы самосохраненія, или размноженія — не въ правѣ претендовать на долговѣчность, а могутъ служить лишь матеріаломъ для новыхъ, болѣе правильныхъ ученій, лучше уяснившихъ себѣ какъ нашъ индивидуальный, такъ и совокупный, или государственный, эгоизмъ.

Единственно правильное уразумѣніе нашего эгоизма можетъ служить твердою почвою для соціальныхъ наукъ вообще, а въ частности и для политической экономіи.

II.

1. Прежде всего, чтобы ясно представить себѣ ученіе о государственной власти, необходимо подвергнуть критическому обзору существующія въ настоящее время по этому предмету ученія.

Далѣе всѣхъ изъ этихъ ученій отстоятъ отъ истины тѣ, которыя ищутъ критерій государственной власти въ томъ, что она осуществляетъ опредѣленныя государственныя функціи, т.-е. ученія тѣхъ государствовѣдовъ, которые понимаютъ государственную власть, какъ сумму отдѣльныхъ правомочій безъ всякой связи, безъ внутренняго единства.

Такой взглядъ чаще всего встрѣчается у нѣмецкихъ государствовѣдовъ прошлаго столѣтія и впервые высказанъ Лейбницомъ. Право вести войну и заключать

миръ, право заключать международные договоры и пр. представители этого взгляда принимаютъ за суть государственной власти, такъ сказать, за ея эссенцію.

Эти теоріи совершенно упускаютъ изъ виду общій принципъ права, по которому какъ физическому, такъ и юридическому лицу возможно отказаться отъ пользованія своимъ правомъ, не лишаясь такимъ отказомъ самого права, а государственная личность въ этомъ не составляетъ исключенія.

Мы согласны допустить, что государство, лишившееся какого-нибудь изъ указанныхъ правомочій, во многихъ случаяхъ политически будетъ лишено верховной власти, подобно тому, какъ физическое лицо, лишенное свойственныхъ ему правъ разумнаго существа, можетъ фактически не всегда считаться человекомъ. Но политика и юриспруденція двѣ вещи разныя, которыхъ отнюдь нельзя смѣшивать.

Мало того, государство можетъ уступить отдѣльные правомочія, составляющія его суть, другому физическому или юридическому лицу, безъ того, чтобы сдѣлать это послѣднее лицо носителемъ верховной государственной власти.

Отсюда очевидно, что механическое дѣленіе государственной власти, какъ суммы правомочій ея, не правильно ни съ теоретической, ни съ практической точки зрѣнія.

2. Неправильны и тѣ теоріи, которыя основаны на смѣшеніи политической и юридической точекъ зрѣнія на государственную власть. Теоріи эти требуютъ для признанія существованія самостоятельнаго государства наличности не только юридической, но и фактической государственной власти.

Такія ученія, быть можетъ, вопреки собственному желанію, отрицаютъ существованіе международнаго

права. Первая статья международного права провозглашаетъ равенство всѣхъ государствъ, входящихъ въ составъ международного союза, безъ различія ихъ величины и политическаго значенія, хотя это, разумѣется, не исключаетъ того, что нѣкоторыя изъ нихъ могутъ пользоваться почестями преимущественно передъ другими.

Если международный союзъ требовалъ-бы отъ государствъ, входящихъ въ составъ его, чтобы каждое изъ нихъ сумѣло показать себя самостоятельнымъ не только юридически, но и фактически, то тѣмъ самымъ онъ лишился-бы хоть сколько-нибудь вѣрнаго критерія, необходимаго для того, чтобы опредѣлить, какое изъ государствъ въ каждомъ данномъ случаѣ можетъ быть принимаемо въ его союзъ: фактически даже великія державы не могутъ считаться самостоятельными по отношенію къ другимъ государствамъ.

Безъ сомнѣнія и фактическая сторона въ правовой жизни государства имѣетъ такое же значеніе, какъ и въ жизни индивидуальной.

Противозаконныя дѣйствія, напримѣръ, самозванца могутъ быть заглажены послѣдующими законными поступками. Такая тактичность его, въ связи съ другими достоинствами, можетъ способствовать ему сдѣлаться потомъ всѣми признаннымъ носителемъ государственной власти, которую онъ фактически уже противозаконно успѣлъ присвоить себѣ.

Тѣмъ не менѣе государственная власть, насколько это понятіе имѣетъ юридическій смыслъ, не есть что-либо измѣряемое и болѣе или менѣе зависящее отъ случайнаго факта, а есть юридическое послѣдствіе самаго существованія государства.

Суть государственной власти въ томъ, что она господствуетъ надъ опредѣленною территоріею съ жи-

вущими на этой территоріи людьми, что она находится въ связи и единеніи съ своими подданными и, наконецъ, что она признана законною государственною властью международнымъ союзомъ.

Какими средствами эта власть стала господствовать надъ землею и людьми, какъ она достигла своего единенія съ подданными, какъ она сумѣла доказать свою законность международному союзу — это для права все равно.

Есть общій принципъ права, который гласить: «справу нѣтъ дѣла до того, какою фактическою силою выдвинуто то или другое обстоятельство», — и этотъ принципъ примѣнимъ и по отношенію къ государственному праву.

3. Не заслуживаетъ одобренія и тотъ взглядъ, который трактуетъ о государственной и международной верховной власти.

Если оба эти термина, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые ученые, примѣняются для обозначенія одного и того же понятія, то это допустимо развѣ въ разговорномъ языкѣ, а никакъ не въ наукѣ.

Но гораздо хуже поступаютъ тѣ, которые утверждаютъ, что подъ понятіемъ верховной государственной власти подразумѣваются два различныхъ понятія, которыя слѣдуетъ дифференцировать, а именно, что мы должны отличать государственную власть, какъ власть высшую, отъ государственной власти, какъ власти независимой.

Подвергая логическому анализу эти два понятія о свойствахъ государственной власти, мы не можемъ не замѣтить, что такъ нельзя создавать два различныхъ понятія о государственной власти, нельзя именно потому, что оба эти свойства пополняютъ другъ друга и, притомъ одно безъ другого является немыслимымъ.

Высшая власть, зависящая отъ другой власти, въ виду такого своего зависимаго положенія уже не можетъ считаться вышею, какъ и наоборотъ — независимая власть не можетъ не быть вышею.

И въ международномъ союзѣ, какъ онъ организовался до настоящаго времени, государства подчинены лишь собственной власти. Каждое государство само связываетъ себя съ международнымъ союзомъ настолько, насколько оно само хочетъ, и единственно потому, что само этого хочетъ и находитъ это выгоднымъ для самого себя.

Если не допустить этой мысли, то мы не во-время признали бы всемірную государственную власть международного союза и создали бы въ теоріи не существующее фактически *imperium mundi*.

Отсюда, государственная и международная верховная власть не есть двѣ различныхъ власти, а одна и та же государственная власть. Попытку дѣлить въ этомъ смыслѣ государственную власть нужно считать вполнѣ неудачною. Каждое государство, которое, согласно своему государственному строю, имѣетъ государственную верховную власть, уже вслѣдствіе одного этого и въ международномъ союзѣ считается независимымъ. Нѣтъ такого государства, которое считалось-бы независимымъ въ международномъ союзѣ и въ то же время не имѣло-бы верховной государственной власти по отношенію къ своимъ подданнымъ.

4. Другая неясность въ понятіи о государственной власти вызывается тѣмъ, что ее отдѣляютъ отъ государства и переносятъ на одинъ какой-либо изъ элементовъ, входящихъ въ составъ государства, т.-е. государственную власть переносятъ на князя или на народъ, или дѣлятъ ее между тѣмъ и другимъ, или, наконецъ, ищутъ ее внѣ государства въ какомъ-либо этическомъ или религіозномъ принципѣ.

Такъ нерѣдко трактуютъ о власти князя, народа, о власти справедливости, совѣсти, человѣчности, права, *suffragio universalis* и т. п.

Лишеніе государства принадлежащей единственно ему власти въ угоду извѣстнымъ элементамъ и принципамъ простительно развѣ потому, что теоретики эти не вѣдаютъ, что творятъ.

Болѣе серіозные изъ указаннаго ряда взглядовъ принадлежатъ къ области спекуляціи, имѣющей своею цѣлью вставить въ матеріальные предѣлы государственную власть. Менѣе серіозные — не имѣютъ никакой цѣли, а просто обнаруживаютъ непониманіе государственной власти. Какъ тѣ, такъ и другіе не подлежатъ здѣсь критикѣ.

5. Однако, отрицаніе государственной власти въ пользу князя или народа или распредѣленіе ея между княземъ и народомъ основано на неправильномъ пониманіи «государства», почему это обстоятельство требуетъ уразумѣнія самой природы государства.

Государство не есть дикій конь, которымъ управляетъ мощный всадникъ — монархъ, какъ его нерѣдко изображаютъ на памятникахъ.

Государство не есть тотъ измученный конь, которымъ управляютъ два сѣдока безъ соблюденія житейской мудрости: «если двое ѣздятъ на одномъ конѣ, то одному непременно надо сидѣть впереди, а другому позади», какъ его фактически склонны изображать нѣкоторыя конституціи, предоставляя вожжу правительственной власти — королямъ, а вожжу законодательной власти — народному представительству.

Подобно тому, какъ тѣло, матеріальная часть человека, находится подъ господствомъ души, духовной его части, и обѣ вмѣстѣ взятая составляютъ человека, его эгоизмъ, или хотѣніе жить, точно такъ и государственная власть господствуетъ надъ государственнымъ